

Вступление

Во второй половине января температура воздуха снаружи рётэя* Сасагава уже упала ниже нуля. Впрочем, снега не наблюдалось.

[П/П: Рётэй — элитные рестораны, в которых подаются изысканные блюда японской кухни.]

Вот уже час я ждал на морозе прибытия босса.

— Как же холодно, Аянокоджи-сан... Когда наконец придет Наоэ-сенсей?.. — пожаловался в третий раз Камогава, после чего выдохнул на руки теплый воздух.

— Обычное дело. Для Наоэ-сенсея назначенное время — лишь грубый ориентир.

— Хотите сказать, в худшем случае он может опоздать на час-другой?

Видимо, он считает ужасным ждать столько времени.

— Наивный. Нам повезет, если Наоэ-сенсей вообще явится сегодня. Он уже не раз просто не приходил.

— Э-э-э... Тогда... как долго мы собираемся ждать того, кто может даже не появиться?

— Сколько потребуется. Я останусь и после закрытия рётэя, если со мной не свяжутся.

— Но так и умереть недолго!

— Если относишь себя к фракции Наоэ, будь готов умереть. Хотя на покойника Наоэ-сенсей даже не обратит внимания.

Мы были лишь посредниками, не важнее обычных помощников. А вот кому действительно стоило тревожиться, так это ждущим Наоэ-сенсея в самом ресторане.

— Но... поразительно, конечно, как ему позволяют разбрасываться временем. За такое обычно ругают.

— Считаешь, он разбрасывается временем?

— А разве нет?

— Наоэ-сенсей даже опоздание может превратить в оружие. Прямо как в легенде о Миямото Мусаши и острове Ганрюдзима.

Разумеется, обычно мы не применяем бесполезные стратегии из старых рассказов. Пожалуй, именно такой человек, как Наоэ-сенсей, и может позволить себе грубые жесты.

— Важно то, что у восьмидесяти процентов пришедших на встречу выбор только один — смириться, что она начнется не в назначенное время.

Это число лишь показывает, что немногие могут бросить Наоэ-сенсею вызов. Даже нынешний премьер-министр постоянно консультируется с ним. Потому что по-другому быть не может.

И сколько бы еще ни пришлось ждать, его обязательно встретят с улыбкой на лице.

— А как насчет... оставшихся двадцати процентов?

— Зачем тебе знать про тех глупцов?

— П-просто на всякий случай...

— Дураки возмущаются из-за сорванной встречи. Затем придут ко мне и, словно готовые наброситься, категорично заявят: «Сколько еще нам ждать? Живо позови Наоэ-сенсея».

Стоявший рядом Камогава сглотнул. Даже новичок в мире политики знал, какие ужасы ждут того, кто смел требовать у Наоэ-сенсея.

Но каждый раз я занимал твердую позицию и отвечал одинаково.

— «Не воспринимайте Наоэ-сенсея легкомысленно», — так я им отказывал.

Тогда им приходилось либо смиренно просить о новой встрече, либо больше никогда не показываться на глаза.

Из этих глупцов еще восемьдесят процентов выбирают первое. Про себя они будут плевать, но все равно предпочтут встретиться с Наоэ-сенсеем. Впрочем, после такого выбора о нормальных отношениях с ним можно практически забыть.

— Кажется, вам нелегко быть посредником, Аянокоджи-сан.

— Говорят, тяжелая работа окупается, но меня не раз и не два избивали. Случалось, что еще чуть-чуть, и меня могли огреть пепельницей или клюшкой для гольфа.

Наоэ-сенсей находился вне досягаемости, поэтому выместить злость они могли только на мне. Однако это вовсе не означало, что Наоэ-сенсей поблагодарит избитого за старание.

— Невыносимые условия, но вы уже в этом деле четыре года, Аянокоджи-сан?

— Работа на самом деле простая, но она не для всех. Хотя нет, выполнять ее может любой — нужно только отдаваться на полную, даже если это будет стоить жизни.

Поэтому-то я смог получить шанс без поддержки за спиной, с низким уровнем образования, не отличавшийся умом или семейным происхождением.

А ведь Камогава ни черта не знает. Это его первый год в качестве парламентария, хотя он старше меня на два года.

— Разве член парламента Камогава не учил тебя незыблемому правилу?

Сильнее всего я презирал именно таких политиков, как стоящий рядом человек.

— Отец? Вроде нет...

Типичный представитель второго поколения. Этот воспитанный избалованным паразит вольется в политику и проживет в ней долгое время. Паразиты — существа мерзкие, но в привилегированном классе лишь избранные становятся ими.

Его отец, парламентарий Камогава Тошидзо, многие годы поддерживал Наоэ-сенсея. Это ветеран политики с более чем тридцатилетним стажем. Естественно, он не позволит сыну испытать на себе горький опыт мальчика на побегушках. Он не жертвенная пешка вроде меня, от которой можно спокойно избавиться. Его будут оберегать как ценную часть фундамента фракции Наоэ.

— Мне говорили только о том, что я, как политик, буду в безопасности, если молча следовать за Наоэ-сенсеем. За продолжительное членство в парламенте мне будут платить стабильную зарплату, и однажды я займу неплохую должность.

Он не ставит перед собой политическую цель, а политиком стал лишь чтобы прокормить себя. Людей вроде него хватает не только во втором поколении. Они глупы и испорчены, но, как правило, умудряются прожить долгую бессмысленную жизнь. Для членов высших политических кругов найти таких похоже на благословение — стоит только укротить их, и они примут твою сторону и без всяких жалоб отдадут за тебя голос.

— Я хочу поскорее пройти этап рядового сотрудника и взяться за легкую работу, — проворчал Камогава, взглянув на ночное небо. — А еще я проголодался... В такой холодный денек что может быть лучше горячего сакэ?

Он в состоянии хотя бы ждать молча?

— Довольно, Камогава, можешь немного помолчать?

— А что такого, уже и поболтать нельзя? Он все равно пока не пришел. Лучше расскажите мне немного про Наоэ-сенсея и о себе тоже, Аянокоджи-сан.

Оставив в стороне интерес к Наоэ-сенсею, мое внимание привлекла последняя часть его фразы.

— О себе?

— Ходят слухи, что большинство людей, работающих на Наоэ-сенсея, вскоре становятся бесполезными. И все же вас, Аянокоджи-сан, он ценит и возлагает большие надежды как на новичка. Я хочу узнать секрет во всех подробностях.

Поверив всяким слухам, Камогава рассуждал так, будто речь шла о ком-то другом. Я испытал соблазн ударить его, но это принесет лишь временное удовлетворение.

Даже спустя четыре года меня все еще воспринимали не иначе как новичка. Вот это было большей проблемой.

— Хватит болтать. Пора включаться в работу.

— Э?

Услышав подъезжающее такси, я немедленно выпрямился. Камогава также все понял, прочистил горло и встал ровно.

Такси медленно приблизилось ко входу рётэя. Немного позади остановился черный седан. Даже смотреть в его сторону не нужно, чтобы понять — это телохранители Наоэ-сенсея. Я мельком глянул на такси, но дверь не открывалась. Камогава недоуменно наклонил голову.

Я видел Наоэ-сенсея через окно, поэтому сразу остановил Камогаву, когда тот уже хотел было выйти вперед.

— Не делай ничего лишнего.

— Э-э, н-но ведь...

Подглядев в заднее окно, я смутно разглядел мужчину в объятиях женщины. Если хоть как-то

им помешать, можно на ровном месте нарваться на выговор.

Хотя весьма необычно, что Наоэ-сенсей сопровождает женщина. Кроме того, в такси, да и еще в разгар ночи. Такое поведение политика можно посчитать неосторожным.

Где-то через минуту тишины задняя дверь такси наконец-то открылась.

— Уви-и-идимся, сенсей.

До Камогавы наконец-то дошло, стоило только услышать слащавый, увещающий голос молодой девушки с заднего сиденья.

Наоэ-сенсей еще какое-то время разговаривал с ней, прежде чем медленно выйти из машины.

Затем из пассажирского места седана вышел тощий человек. Не говоря ни слова, он встал чуть позади Наоэ-сенсея.

Этого телохранителя я раньше не видел, однако обращать на него внимание больше не мог.

— Спасибо за проделанную работу, Наоэ-сенсей.

— Благодарю за ваш нелегкий труд!

Его смутила недавняя сцена с женщиной, или он просто слишком растерялся перед Наоэ-сенсеем? Даже если растерялся, как же глупо с его стороны вести себя так, словно всему виной именно первое.

Я выступил на полшага перед раздражающим своим видом Камогавой и плечом прикрыл его лицо.

Но, видимо, беспокойство было излишним.

Наоэ-сенсей едва ли обратил на того внимание, вместо этого направив острый взгляд на рётэй.

— Где Асама?

Стиль костюма, осанка — ничего в нем не выдавало пожилого человека, он казался в самом расцвете сил.

— Ожидает вас. Я проведу.

Взглядом велел нервничающему позади меня Камогаве расплатиться за такси, я повел Наоэ-сенсея в ресторан.

Как только мы прошли через сёдзи*, абсолютно каждый — от владелицы до шеф-повара — поспешил показаться и склонить голову.

[П/Р: перегородка из прозрачной или полупрозрачной бумаги, разделяющая пространство в помещении.]

Не меняясь в лице, Наоэ-сенсей снял обувь, излучая мощную ауру. Затем мы, твердо ступая по деревянному полу, прошли в частный зал на другом конце ресторана.

Наоэ Джинносукэ. Он состоял в правящей Гражданской партии и занимал множество постов, в том числе возглавлял Министерство транспорта и Министерство экономики, торговли и промышленности.

[П/Р: Министерство транспорта существовало в Японии до 2001 года, Министерство экономики, торговли и промышленности появилось уже после реформ 2001 года.]

В данный момент он исполнял обязанности генерального секретаря. И хотя эта должность на полступеньки ниже заместителя председателя и тем более председателя, который сейчас был премьер-министром, но важность поста Наоэ-сенсея несомненно выше. Он держит в руках реальную власть партии. В этом году ему исполнится шестьдесят восемь лет, но нет ни малейших признаков, указывающих на скорый уход в отставку. В политике нет понятия пенсионного возраста, и он, вероятно, будет оставаться на своей должности еще десять, а то и двадцать лет, если только физическое состояние не станет проблемой.

— Асама-сенсей, я привел Наоэ-сенсея.

За сёдзи в позе сейдза сидел Асама-сенсей, готовый поприветствовать Наоэ-сенсея. Увидев его, он встал и глубоко поклонился.

Асама Хисаши. Ему был семьдесят один год, что на три больше, чем Наоэ-сенсею. Ныне занимал пост заместителя министра земли, инфраструктуры, транспорта и туризма. А еще он видная фигура во фракции Наоэ.

Даже Асама-сенсей жил в совершенно ином мире по сравнению со мной. Однако при появлении Наоэ-сенсея он в мгновение ока превратился в раба своего хозяина.

Вполне обыденная сцена, с первого взгляда дающая ощутить огромную разницу во власти.

— Я ждал вас, Наоэ-сенсей.

— Мне жаль, что заставил ждать, Асама. У меня накопилось немало работы.

— Знаю, вы очень занятой человек.

Я опустил голову, коснувшись лбом татами, и аккуратно закрыл сёдзи, чтобы не мешать им. Далее последует разговор двух крупных политических деятелей, и его содержание никому другому услышать не позволено.

— Я перейду сразу к делу, Наоэ-сенсей. Что касается...

Нас отделяла только сёдзи. В такие времена дьявол нашептывал мне на ухо, чтобы я подслушал и получил полезную информацию. Или даже установил подслушивающее устройство.

Но мир не настолько прост. Если попытаться что-то предпринять, поступок сразу раскроется, и тогда моей политической жизни придет конец.

Я встал и ушел в другой зал, расположенный вдали от этого.

Часть 1

В подготовленном для нас частном зале Камогава занял непочетное место у входа. Глазами он уперся в sake перед ним.

— Прости, что заставил ждать.

— Ничего не заставили. Давайте тоже начнем.

— Только не вздумай пить.

— Э-э? Но вы посмотрите, какая перед нами восхитительная на вид бутылочка sake. Так, какой это бренд... Хм, ни разу не видел такой в изакае*.

[П/Р: обычное питейное заведение, куда заходят выпить после рабочего дня.]

— А что потом, когда будем провожать Наоэ-сенсея и остальных? Хочешь, чтобы они вдыхали твой запах алкоголя? Этот sake лишь для антуража. Если по глупости протянешь к нему руки, ничего хорошего не выйдет.

— Вот оно как...

Поразительно престижный ресторан. Если он поник от того, что было велено не пить до ужина, что же, не могу его винить. В прошлом я сам несколько раз едва не поддавался искушению.

К счастью, мне выдалась возможность увидеть, как мой тогдашний попечитель выпил алкоголь, в результате чего получил выговор и был смещен с должности, что и привело к моему нынешнему воздержанию. Я пришел к выводу, что люди у власти пьют и закусывают страданиями тех, кто ниже их по статусу.

Последнее касается не только нижних чинов в парламенте. Они смотрят сверху вниз и на обычных людей. Постоянно опьянены от ощущения власти над людьми, подчиняющимися созданным ими правилам.

— Аянокоджи-сенсей, мне вот о чем спросить хочется...

Какой же все-таки болтливый человек.

— Почему вы постоянно сидите в позе сейдза? Уж сейчас-то можно немного расслабиться.

— Уже привык. Мне нужно сидеть прямо и непоколебимо часами перед Наоэ-сенсеем и остальными. Если бы я не делал этого на регулярной основе, рано или поздно попал бы в неприятности.

Мне даже не разрешено просить дать ногам отдохнуть. Иного выбора, кроме как сидеть на коленях пока ноги не отвалятся, попросту нет.

— С-сурово...

Камогава, видимо, неуверенный в правильности своей позы, выпрямился.

На небольшом подносе подавались крохотные яичные тофу — каждый такой мог стоять четырехзначную сумму. Однако никакой благодарности я не испытывал. Небрежно взял тофу и проглотил не разжевывая.

— Ой, как расточительно...

Я продолжил есть, пропуская мимо ушей всю его чушь. Меня абсолютно не интересовало, изысканное ли это блюдо, великолепно ли оно выглядит или как его готовят. Мне достаточно уже того, что еда дает энергию двигаться вперед.

— Я в уборную, — кратко сообщил я Камогаве.

Затем встал на слегка онемевшие ноги и вышел из зала. Когда уже собирался возвращаться обратно в частный зал, где меня ждал Камогава, я заметил спины мужчин в костюмах. Одна из них сильно выделялась.

Однако я видел его лишь мгновение. Он завернул за угол в конце коридора и исчез из виду.

— Это ведь был...

Меня потянуло пойти за ним и убедиться, но я сдержался.

Тем не менее это без сомнений был член парламента Киджима. Четвертый по влиятельности человек в Гражданской партии, не присоединившийся к трем основным фракциям: Наоэ-сенсею, Исомару-сенсею и премьер-министру Мияко.

Он оказался настолько перспективным молодым политиком, что его уже считали наиболее подходящим на пост премьер-министра.

Вообще-то по чистому совпадению заметить таких людей невозможно. Управляющие должны устраивать все так, чтобы посетители случайно не столкнулись друг с другом. Это вполне стандартная практика для рётэя.

Значит ли это, что Наоэ-сенсей уже готовится к следующим выборам?

Часть 2

Встреча закончилась где-то через два часа после того, как Наоэ-сенсей вошел в частный зал.

Проводив члена парламента Асаму, нас с Камогавой вызвал Наоэ-сенсей, и мы отправились к нему.

Парламентарий Киджима, видимо, также присутствовал на встрече — на столе стояли миски и чашечки саке для трех персон. Хотя политики, судя по всему, обошлись только разговором: палочки для еды остались на прежнем месте, а значит, никто не притрагивался к еде. По увиденному можно было сделать вывод, что они символически пропустили по одной-две чашечки, но не более.

— Тебя что-то беспокоит?

Уловил украдкой брошенный взгляд? Меня одолело такое волнение, будто он вцепился мне в сердце.

— Нет, ничего подобного.

Не могу же я спросить о том, кто его посещал. Разумеется, Наоэ-сенсей предполагал, о чем я подумал, но давить не стал.

— Аянокоджи, сколько ты уже работаешь под моим началом?

— В этом году исполнится четыре года как вы взяли меня в ученики, сенсей.

— Да, точно. Лишь единицы могут стать политиками в свои двадцать. А из обделенных ты, несомненно, продвигаешься по карьерной лестнице быстрее остальных.

Обделенные. Этот термин придумал Наоэ-сенсей, чтобы указывать на тех, кому не посчастливилось родиться в нужном окружении, как, например, ненавистным мною политикам во втором и третьем поколении или же детям с мощной поддержкой родителей из финансовых кругов и им подобным.

Этим словом пользуются в основном внутри фракции, хотя не будет преувеличением сказать, что успех политика действительно во многом определяется статусом: «обделенный» или «наделенный».

Говоря простым языком, это похоже на компанию, ключевые должности которой занимают свои люди. Сколь бы выдающимся ты ни был, чужак есть чужак. Если у тебя нет внушительных способностей и удачи, то возможности для роста будут сильно ограничены. Обделенным не уготовано светлое будущее.

Иными словами, люди вроде меня в мире политики обычно добиваются немногого. Чтобы преодолеть этот барьер, мне остается лишь обеспечить своему ребенку место политика во втором поколении. После тщательного отбора ему будет позволено занять верхние позиции в пределах своего поколения.

Но поскольку уже сейчас многие из политиков второго и третьего поколений заняли немногочисленные места, привести сюда своих потомков — задача отнюдь непростая. Те, кто сел на поезд раньше, займут более твердые позиции и приведут политиков четвертого и пятого поколений.

— Наоэ-сенсей, я крайне признателен, что вы выбрали такого человека, как я.

— Все дело в твоих способностях. По правде говоря, ты мне немало помог.

В подобном обмене любезностями нет смысла. Однако для политиков это неизбежно. И когда хвалит именно Наоэ-сенсей, обычно за этим следует что-то весьма нелестное.

— Но в самой партии о твоих способностях никто не знает.

— Разумеется. Я всецело это осознаю.

Без разницы, насколько был важен вклад, если все заслуги достаются Наоэ-сенсею. Лишь он знает о моем участии. А для оппозиционной партии я, скорее всего, вообще пустое место.

— Возможно, ты догадываешься, о чем сегодня велся разговор. Речь шла об Исомару.

Исомару Йоко — третий человек в Гражданской партии. На протяжении долгих лет он остается в верхних эшелонах власти.

— Мы уже оба в возрасте. А возможностей заполучить себе место премьер-министра не так-то много.

Видимо, разговор шел о том, как дать отпор Исомару-сенсею, который приходится Наоэ-сенсею кем-то вроде соперника.

— Люди из фракции опасаются Исомару. Действительно, недооценивать его нельзя, тем не менее я назвал бы его предсказуемым. Хорошо это или плохо, но он пользуется лишь старыми приемами.

Они неустанно трудятся в политике уже не первый десяток лет и, надо думать, знают друг друга вдоль и поперек.

— Только я считаю, что бояться на самом деле нужно отнюдь не Исомару.

— Получается...

— Ты лично знаком с Киджимой?

Я непроизвольно дернулся — возможно, сказался тот факт, что я увидел со спины кого-то похожего на члена парламента Киджиму.

Учитывая того же Асаму, с которым изначально была назначена встреча у Наоэ-сенсея, сегодня я то и дело слышу довольно известные имена...

Наоэ-сенсей направил на меня характерный пронизывающий взгляд.

— Нам несколько раз доводилось пересекаться, однако напрямую я с ним не говорил.

— Вот он, по-моему, именно тот, кого следует опасаться. Самый серьезный враг.

Он без колебаний назвал врагом однопартийца. Это доказывает, что жаждущий власти Наоэ-сенсей всерьез опасается Киджиму-сенсея.

Если Наоэ-сенсей и Исомару-сенсей — тени в партии, то для этого человека верно обратное. Киджима-сенсей — молодой и способный политик, лицо Гражданской партии. Находясь в центре внимания, он для вида продвигает «прозрачную» политику.

Естественно, его поддерживают все больше и больше однопартийцев, но, на мой взгляд, он пока не представляет угрозы для Наоэ-сенсея и остальных. Тем не менее Киджиму-сенсея оценивают выше, чем я мог себе представить. Неужели я не заметил, как созрела угроза Наоэ-сенсею?

Под руководством премьер-министра Мияко собрались несколько кандидатов, соперничающих друг с другом за пост следующего премьер-министра. Номер два, Наоэ-сенсей. Номер три, Исомару-сенсей. И номер четыре, молодой Киджима-сенсей.

— Ты знаешь самую главную причину, по которой Киджима смог достичь своего текущего поста?

— Думаю, все дело в его многочисленных достижениях, однако на первом месте «КоЙку», не так ли?

Старшая школа Кодо Икусей. Учебное заведение, напрямую подчиняющееся правительству и воспитывающее перспективную молодежь. Каких-то значительных результатов школа еще не принесла, но на нее возлагают большие надежды. Или, правильнее сказать, правительство возлагает большие надежды.

— Верно, ведь образование детей неотрывно связано с развитием страны. К тому же школа пользуется поддержкой сторонников Киджимы. Хоть он и враг, но я впечатлен продвигаемыми им занятыми идеями.

Обливающийся потом Камогава даже не встревал, а лишь продолжал внимательно слушать. И дело было вовсе не в том, что кондиционер слишком сильно грел воздух, а в самом содержании нашего разговора. Оно и неудивительно.

— Судя по всему, они слепо верят этому юнцу из партии.

Благодаря широкому освещению в СМИ у многих сложилось представление, что Киджима и Гражданская партия — это одно и то же.

— И мне захотелось уточнить: а ты не один из них?

— Вы, должно быть, шутите. Наоэ-сенсей, вы были и остаетесь моим единственным наставником.

По крайней мере это не ложь.

Кроме того, стоит только ступить на путь, ведущий во фракцию Наоэ, и никто уже не позволит сойти с корабля. И если в предстоящих выборах фракции Исомару-сенсея или Киджима-сенсея уйдут в отрыв, Наоэ-сенсей потеряет позиции, и тогда мне придется идти ко дну вместе с тонущим кораблем.

Но чего же он тогда добивался от совместного ужина с Киджимой-сенсеем, которого следует остерегаться? Конечно, тема довольно любопытная, но сейчас я не могу обдумать ее.

— По правде говоря, сегодня официально был дан старт проекту, который разрабатывался втайне.

С этими словами Наоэ-сенсей бросил на стол коричневый конверт формата А4.

— Это крайне важный проект. Не исключено, что от него зависит моя политическая жизнь. Сейчас не только Исомару и Киджима, но и оппозиционная партия начали постепенно поднимать головы. Поэтому наконец-то пришло время действовать.

Когда он опустошил чашечку саке, я поспешил ее обновить.

Для этого ему даже не требовалось смотреть в мою сторону. У Наоэ-сенсея была такая жизнь, при которой если что-то опустошалось, то оно должно быть наполнено вновь. Затем он снова одним глотком осушил чашечку.

— Существование этого проекта вне всяких сомнений окажет значительное влияние на предстоящие выборы.

Выходит, содержимое лежащего передо мной конверта и правда имело большое значение.

— Большинство моих подчиненных уходит, не выдержав и полугода. Или не хватает способностей, или не могут справиться с работой, которая оказывается тяжелее ожидаемого. Но ты... Прошло уже четыре года, а ты мало того, что не устал, так еще и с каждым днем находишь в себе новые силы. Напоминаешь меня самого в молодости.

— Весьма польщен.

— Вопрос к вам обоим. Каким должен быть самый выдающийся политик? Сперва ты, Камогава, — произнес Наоэ-сенсей. Наверное, ему требовалась закуска к саке.

— Э-э?!

В такой ситуации нельзя промолчать, как и отвечать наобум.

Самый выдающийся политик. Мнение будет сильно зависеть от отдельного человека.

— Т-тот, кто сможет воплотить желания народа... например.

Незамысловатый ответ, но засчитать можно. Но лишь с точки зрения народа. К такому выводу мог прийти даже ребенок, тем не менее Наоэ-сенсей просто кивнул и перевел взгляд на меня.

— Теперь отвечай ты, Аянокоджи.

Какой выдающийся, а какой нет? Мой ответ...

— Я считаю, что это человек, похожий на вас, Наоэ-сенсей.

Получивший похвалу Наоэ-сенсей поджал губы, но я сразу продолжил:

— Никчемный политик предложит темпуру посетителям, что пришли отведать суши.

— П-посетителям? Какие еще...

— Любые посетители. Народ, другие политики или кто-то еще.

Политик имеет дело не с каким-то отдельным человеком, и если он не может ответить на требования неизвестного числа посетителей, то это абсурд.

— Интересные вещи говоришь. Ну, продолжи мысль.

— Хороший политик на требование подать суши накормит посетителей вкуснейшими суши. Но, боюсь, из всех политиков на это способны в лучшем случае тридцать... нет, двадцать процентов.

Конечно, в эту категорию входят политики, которые пользуются поддержкой со стороны населения.

— Разве их уже нельзя назвать выдающимися? Они ведь не только предлагают посетителям то, чего они хотят, но и делают это с лоском.

Разумеется, для обычного человека стать неплохим политиком — предел возможностей. Однако в моем понимании его нельзя назвать по-настоящему выдающимся.

— От самого выдающегося политика требуется нечто большее. Я считаю, что он способен желающему отведать суши посетителю предложить карри или гюдон, да так, чтобы тот остался полностью удовлетворен.

Политик — это вовсе не тот, кто всего лишь отвечает на чьи-то требования. Бывают ситуации, когда пожелания выполнить невозможно, но при этом никто не должен остаться в обиде.

Возьмем какой-нибудь законопроект. Варианта всего два: его могут принять или не принять. В случае отказа наверняка найдутся недовольные. Именно поэтому нужно подготовить третий вариант, которому обрадуются как сторонники, так и противники. И Наоэ-сенсей уже много раз демонстрировал такую способность.

— Понятно. Неплохо сказано.

— Весьма признателен.

Теперь же взгляд Наоэ-сенсея сделался еще более суровым и пронизательным.

— Надеюсь, однажды настанет тот день, когда ты собственноручно воплотишь свою идею на практике.

Однажды, значит? По ощущениям прошло целых четыре года, однако для политики это были жалкие четыре года. Сколько еще лет нужно провести в положении помощника, чтобы это самое «однажды» наступило?

— Не хмурься, ты способный. Я хорошо понял это за четыре года. Поэтому от юнцов вроде вас и требуются ощутимые результаты.

Он отправил очередную порцию закуски в рот и кончиками палочек показал на конверт.

— Четыре года могут быть коротким сроком. Но я считаю иначе — прошло целых четыре года. Пора бы уже взяться за работу, которая принесет столь желанные результаты, как думаешь?

— Хотите сказать, вы предоставите мне такую возможность?..

Уже не сосчитать, сколько раз я обставлял все в пользу Наоэ-сенсея. Заслуги доставались ему, а шишки сыпались на меня. И этот абсурд повторялся снова и снова, только делал я это отнюдь не в благотворительных целях.

Я невольно сжал лежащие на коленях кулаки.

— Можешь понимать это и так. Но ты обязан привести дело к успеху. Готов взяться?

«Могу я сначала ознакомиться с содержимым конверта?». В такой ситуации было непозволительно задавать этот вопрос.

— Наоэ-сенсей, когда я только поступил под ваше руководство, вы сказали следующее: «Действия человека целиком и полностью определяются поставленными им целями»...

Тогда я не мог знать, что это были слова одного известного человека. Если потерплю неудачу, скорее всего, предыдущие четыре года в мгновение ока обратятся прахом.

— Я посвящу всего себя этому делу, — охотно согласился я на участие и глубоко поклонился.

— Если сможешь реализовать проект, тебя будет ждать слава.

Не могу довериться таким словам полностью, однако до сих пор он никогда не говорил чего-нибудь столь многообещающего. По крайней мере настолько важного поручения, как этот проект, у меня еще не было. Я получил шанс, поскольку смог заслужить доверие. И я не упущу возможность.

— Ознакомься.

— Благодарю вас.

Я взял со стола коричневый конверт и вынул из него стопку бумаг где-то полсантиметра толщиной. На титульном листе было написано: «Программа обучения кадров (название временное)».

— Образовательные стандарты Японии постепенно ухудшаются. И сейчас страна нуждается в плане развития с прицелом не на пять-десять, а на двадцать-тридцать лет вперед.

— Впервые слышу, чтобы вы были так озабочены образованием, сенсей.

— Политик должен уделять образованию особое внимание. Даже незначительный интерес может принести голоса как своих, так и чужих.

Он вовсе не стремится всерьез взяться за изменение японского образования. Это лишь очередной план, который поможет ему укрепить власть и заручиться большей поддержкой.

А один болван рядом со мной не может усидеть спокойно на месте, настолько ему интересны детали проекта.

— Ты тоже можешь принять участие, Камогава. Займешься им вместе с Аянокоджи.

— О-огромное вам спасибо.

Радостно улыбаясь, Камогава принялся с еще большим напором разглядывать документы.

Уж в его-то помощи я точно не нуждаюсь, но раз Наоэ-сенсей так решил, значит, выбора у меня нет.

Вкратце говоря, обучение кадров подразумевает подготовку детей непосредственно с момента рождения по программе для одаренных.

Окончив читать, я передал документ Камогаве для ознакомления.

— Что скажешь, Камогава? Понимаешь, о чем идет речь?

— Учебное заведение под непосредственным управлением правительства ... к тому же для детей грудного возраста? Никогда не доводилось слышать о таком.

Мысль Камогавы попросту не имела смысла.

— Если бы кто-то слышал, то ничего особенного в этом и не было бы.

Мне даже не пришлось его поправлять, Наоэ-сенсей меня опередил. Однако проблема данного проекта заключается в другом.

— Тебе необходимо начать мыслить более гибко, Камогава.

— П-прошу прощения...

— Но именно потому, что ты новичок, я хочу кое о чем спросить. Какой ты видишь эту программу?

— К-какой, спрашиваете?

Он застыл, словно ему в глаза смотрела змея. Хотя взгляд даже не был направлен в его сторону. Затем в поисках помощи он повернулся ко мне, причем с таким лицом, будто вот-вот

расплатится.

— Сенсей лишь хочет узнать, что ты подумал при виде программы. От тебя не требуется притворного согласия. Ответь так, как считаешь нужным.

Если Камогава по глупости начнет умасливать сенсея, то испортит тем самым ему настроение.

— В т-такое случае... В общем, меня кое-что беспокоит... А найдутся ли родители, готовые отдать в учебное заведение своих грудных детей? Что-то мне не кажется это таким уж правдоподобным... Получается, реализация проекта возможна, только если похищать их?

Выслушав его, Наоэ-сенсей испытывающее посмотрел на меня.

— Разумный вопрос. Сможешь ли ты ответить на него, Аянокоджи?

Если новичку глупый ответ позволителен, то мне — точно нет.

Сделав глубокий вдох, я снова повернулся к Камогаве.

— Об этом можно не беспокоиться. Количество брошенных после рождения детей каждый год исчисляется сотнями. И речь лишь о тех случаях, что становятся известными.

Наладить поставку младенцев не составит труда.

— Брошенные дети не только будут находиться в полной безопасности, но и получают от правительства щедрую поддержку и достойное образование. Проект позволит им без труда поступить в старшую школу, а затем и в университет.

— Все так. Видишь, ответы могут быть одинаковыми, но подойти к ним можно разными способами. Во многом это зависит от взгляда на предмет. Учись как следует у Аянокоджи.

— С-слушаюсь.

— В зависимости от развития событий проект также поможет наладить взаимодействие с матерями. По самым скромным подсчетам, за год в Японии производится более ста тысяч аборт. Это не только своего рода насмешка над обществом, которая не позволяет так легко рожать детей, но и причина для дальнейшего утверждения проекта.

Расплывшись в широкой улыбке, Наоэ-сенсей поднес ко рту новую порцию саке.

— Если программа окажется удачной, то политические круги ей определенно заинтересуются.

— Э? Н-но почему?

— Помимо отказников есть еще множество детей, которых не могут воспитать должным образом. Такое случается у состоятельных людей.

— Внебрачные и непризнанные дети... Вы о них?

— Да. Есть полно знаменитостей, сделавших детей на стороне. Их держат в тайне, а потому не могут поддержать и дать надлежащее образование. Если правительство негласно поможет родителям, они наверняка будут всеми руками за.

Понемногу я начинаю видеть полную картину.

— А потом появятся и желающие дать первоклассное образование своему любимому чаду.

Это и есть проект обучения кадров, который придумал Наоэ-сенсей.

Брать средства у богатых людей и обучать детей, которых желают скрыть. Когда те станут взрослыми, их обработают так, чтобы они отправились в мир политики, примкнув к фракции Наоэ.

К тому же из них получатся покорные слуги, получившие блестящее образование. Но в то же время они станут прямыми потомками людей из финансовых кругов.

Выходит, это лишь подготовка программы, уходящей далеко в будущее.

Она выглядит крайне рискованной, тем не менее в случае успеха риск многократно окупится. Если сейчас колебаться или попытаться отказаться, Наоэ-сенсей немедленно выбросит тебя.

— А в этом списке указаны...

— Сошедшие с пути гении. С ними оказалось непросто иметь дело.

Внутри конверта также находилось порядка десяти файлов. Они напоминали личные дела и содержали биографическую справку.

— Это лучшие специалисты в областях экономики и психологии в Японии... нет, во всем мире. Однако им пришлось покинуть работу, потому что они вызывали проблемы.

Понятно. Проект обучения кадров сопряжен с множеством рисков. Если детей будут чуть ли не насильно принуждать учиться, разумеется, это может вызвать сопротивление. И в этом смысле

шанс получить поддержку от авторитетных людей невелик.

С другой стороны, в случае приема способных, но проблемных детей достаточно собрать деньги, и тогда одобрение обеспечено. Такой ребенок, похоже, будет скорее испытывать сложности с поведением и характером, чем со способностями. Впрочем, даже если дать им общее образование, без конкретных знаний и опыта ничего путного из этого не выйдет. Мы могли бы попытаться привлечь кого-то вроде частных репетиторов, но сделать из детей представителей Японии все равно задача мало осуществимая.

Работа, мягко говоря, далеко не из легких.

— Помнишь, что ты сказал насчет образования, когда только пришел ко мне?

— Разумеется. «Концепция образования, в моем понимании, заключается в том, что прививать интерес и обучать политике нужно с детских лет, чтобы затем воспитать сильные кадры государственного управления». От этого напрямую зависит будущее Японии, именно поэтому я и попросил вас взять меня на обучение, Наоэ-сенсей.

— Когда я услышал это, то посчитал наглой шуткой новоиспеченного парламентария, однако в итоге твоя фраза заставила задуматься и меня самого. Другими словами, у тебя есть полное право принять участие в деле. Ты возьмешься, Аянокодзи?

Это был вовсе не вопрос. Принуждение, ничем не отличающееся от приказа. В таком случае и в этот раз мне остается только одно — выразить уверенность и охотно согласиться.

Но важнее то, что данная программа как нельзя лучше подойдет для дальнейшего совершенствования и воплощения моей концепции образования.

— Конечно. Позвольте мне заняться этим делом.

— Проект совершенно секретный. О нем не должны знать не только в оппозиционной партии, но и в правящей. Здесь также имеет место вопрос этики. Если вдруг кто-то узнает раньше времени и нас подвергнут критике, ты станешь политическим трупом.

То есть прервется политическая жизнь не Наоэ-сенсея, разработавшего этот проект, а моя. Вернее, на плахе окажутся сразу несколько человек, в том числе находящийся рядом Камогава-младший.

— Я сделаю все, что в моих силах. Однако у меня есть одна просьба, Наоэ-сенсей.

— Какая?

Возможно, он посчитает это наглостью, но я бы хотел высказаться именно сейчас.

— Реализовать проект будет сложно, если им займемся лишь я и Камогава. Не могли бы вы привлечь кого-то еще из числа доверенных лиц?

— Конечно, я так и собирался поступить. Есть человек по имени Сакаянаги, он хорошо известен в финансовых кругах. Молодой, примерно одного с тобой возраста. Держит рот на замке, ему можно доверять. Попробуй привлечь его.

Я уже слышал эту фамилию. Если мне не изменяет память, есть один старик, который отвечает за «КоИку»... Но кем бы он ни был, разве это не приближенный Киджимы-сенсей?

— Похоже, я недостаточно ясно выразился. Речь о сыне того Сакаянаги, о котором ты подумал.

Теперь понятно. Значит, вряд ли он имеет прочные связи с Киджимой-сенсеем.

— Будет сделано.

— И еще, скажу одну важную вещь. Не рассчитывайте на какую-либо финансовую поддержку с моей стороны.

— Э-э-э?! Но такого рода проект потребует соответствующих расходов... — начал болтать лишнее Камогава. Однако я сразу остановил его, положив руку на плечо.

— Мой вопрос может прозвучать глупо, но... мы можем действовать от вашего имени, Наоэ-сенсей?

— Точно не сейчас. Разболтать всем, что я как-то к этому причастен — не лучшая идея.

«Неужели нам вообще не светит никакой помощи?» — читалось на побледневшем лице Камогавы.

— Ну что же, рассчитываю на тебя, Аянокоджи.

Он ни с кем не считается. Но если я не соглашусь на это безумие, то не смогу продвинуться дальше.

— Я готов отдать душу и телом данному проекту.

— И я!

Пусть это лишь мимолетная идея, пусть уже завтра программа может быть выброшена в окно... Но, если Наоэ-сенсей желает того здесь и сейчас, я обязан пойти навстречу.

После непродолжительного обмена любезностями наша встреча закончилась.

Я взял на себя инициативу проводить Наоэ-сенсея, для чего вышел вперед и сдвинул сёдзи.

Дальше по коридору стоял новый телохранитель, который ждал возвращения Наоэ-сенсея.

— Ах, точно. Аянокоджи, ты ведь еще не знаком с этим человеком?

— У ваших телохранителей напряженная работа, поэтому их смена не такая уж и редкость.

Мужчина, не переставая улыбаться, посмотрел на меня.

— Представите нас? — произнес он, когда заметил, что с моей стороны особого интереса не последовало.

Вообще-то людям этой профессии не позволяют подобные высказывания, однако не похоже, чтобы у Наоэ-сенсея испортилось настроение.

И голос у телохранителя был довольно тонкий, хотя, судя по всему, Наоэ-сенсей хорошего о нем мнения. Человек он явно не простой.

— Это Аянокоджи, довольно перспективный член парламента. От тебя не убудет, если представишься сам.

С широко расправленными плечами и идеальной осанкой он сделал ко мне один шаг и вытянул руку.

— Меня зовут Цукиширо Токинари. Сожалею, но я не телохранитель. Рад с вами познакомиться.

Я пожал в ответ протянутую руку.

— Но если не телохранитель, то... кто вы?

— Как бы сказать, он... мастер на все руки, проще говоря. Если возникнут проблемы, можешь положиться на Цукиширо. Он примерно одного возраста с тобой и весьма полезен.

— Мастер на все руки?

Человек, представившийся как Цукиширо, протянул визитку.

— Если вам что-то потребуется, обращайтесь. Сделаю все что угодно: от личной охраны до сбора информации.

Значит, поэтому он мастер на все руки? Подозрительный тип. Но если Наоэ-сенсей ходит вместе с ним, тот наверняка обладает определенными способностями.

— Я Аянокоджи, нахожусь на попечении Наоэ-сенсея. Если возникнут какие-либо трудности, непременно обращайтесь к вам за помощью, Цукиширо-сан.

— Еще я пользуюсь определенным влиянием не только в Гражданской партии, но и в партии Мира.

Среди оппозиционных партий ведущей является партия Мира. И по отношению к Гражданской партии она настроена враждебно. Незадолго до того, как я стал политиком, они чуть было не вырвали победу на выборах у Гражданской партии. И если бы не план Наоэ-сенсея, политическая власть вполне могла перейти к ним в руки.

К какой бы стороне ты ни принадлежал, для противоположной ты автоматически становишься врагом. Это общепринятая практика, и работает она не только в политике.

Но при этом он заявляет про влияние сразу в двух партиях?

Не переставая жутко улыбаться, Цукиширо зашагал рядом с Наоэ-сенсеем.

Мы с Камогавой проводили его до такси, затем глубоко поклонились и стояли так до того момента, пока машина не скрылась из вида.

— У-ух, холодно. Нас же уже никто не видит, так что, возможно...

— Возможно, но продолжай стоять в поклоне минимум минуту после того, как машина уехала. А потом даже не вздумай расслабляться или показывать усталость. Никогда не знаешь, кто и откуда на тебя может посмотреть.

Персонал рётэя также украдкой наблюдает за нами.

Если станет известно, что сразу после отъезда Наоэ-сенсея ты посыпаешь его проклятиями, то тебе конец.

— Но почему Наоэ-сенсей сегодня приехал на такси? Еще и в открытую и так тесно общался с той девочкой... Разве вокруг не станут болтать об измене, не говоря уже про разницу в возрасте?

— Наверное, именно поэтому и нужен был тот самый мастер на все руки.

— Э?

Разумеется, всех подробностей я не знаю.

Но если размышлять о возможных причинах, Наоэ-сенсей мог лично выступить приманкой, чтобы кого-то выманить. Такое вполне допустимо.

— Это не наше дело. Тебе нужно думать о проекте обучения кадров.

Как это обычно бывает, скрытые от глаз события могут принимать пугающий оборот.

— Просто невероятный проект... Кажется, нас втянули во что-то невообразимое.

Да, проект действительно невообразим, это факт.

И все же мне кажется, что со стороны Наоэ-сенсея было ошибкой рассказывать о нем Камогаве. Он не умеет держать язык за зубами, о доверии и речи нет. Пока программа идет хорошо, проблем не возникнет, а вот если... Нет, Наоэ-сенсей не тот человек, кто не в состоянии предвидеть подобное.

Или он как раз учитывает возможность моего провала и специально приставил его ко мне?

Подробности мне пока неизвестны, но, похоже, у меня нет выбора, кроме как взяться за это дело со связанными руками и ногами.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96877/2700615>